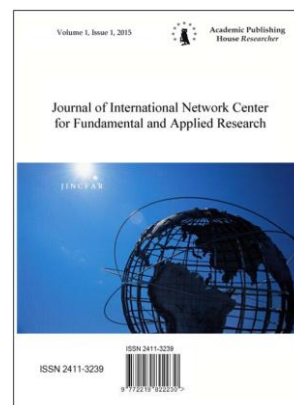

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
2017, 4(2): 41-48

DOI: 10.13187/jincfar.2017.2.41
www.ejournal36.com

Articles and Statements

Borovskaya Old Believers' Chapel as an Object of the Confessional Policy of the Authorities during the Reign of Nicholas I

Victoria V. Mashkovtseva^{a,*}

^a Vyatka State University, Russian Federation

Abstract

The present study is devoted to the history of the Borovskaya chapel as a religious and cultural center of the Old Believers of Vyatka province. The article is based on the documents of the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Kirov Region, which made it possible to trace the fate of the chapel from its foundation to destruction. The author examines the implementation of the confessional course of the authorities of the second quarter of the XIX century with respect to the Old Believers' chapels, shows the relationship between the Old Believers and representatives of the local administration and the clergy of the official church. In addition, the opposition of the Old Believers to attempts to transfer their churches to the Russian Orthodox Church was characterized. In particular, the facts of the burning of Old Believers by the decision of the authorities of prayer houses in the case of their conversion to Orthodox churches, the theft of icons and liturgical books in such a situation are analyzed. In general, the religious policy of Nicholas I in relation to the Old Believers was of a harsh nature, contained a wide range of restrictions, prohibitions and a developed system of punishments for the commission of unlawful acts.

Keywords: Old Believers, Russian Orthodox Church, Vyatka diocese, missionary activity, clergy, chapel, icon, religious literature.

1. Введение

С момента начала истории раскола в Русской православной церкви старообрядчество получает развитие на Вятской земле. При этом в числе первых, кто не принял реформы Никона, был епископ Вятский и Великопермский Александр. В 1663 г. он отправил царю Алексею Михайловичу челобитную на патриарха, в которой подверг критике все его нововведения. Однако в силу оказанного давления на соборе 1666 г. вятский епископ вынужден был раскаяться в содеянном. Только получив прощение собора, Александр в 1669 г. смог вернуться в родную епархию. Одним из центров вятского старообрядчества являлся Нолинский уезд. Именно здесь приверженцы «древнего благочестия» впервые

* Corresponding author
E-mail address: wikma116@rambler.ru (V.V. Mashkovtseva)

открыто заявили о себе в 1764 г. (Фармаковский, 1868: 76–88). Численность старообрядцев, несмотря на миссионерскую деятельность Русской православной церкви, росла как в уезде, так и в губернии в целом. В частности, в 1835 г. в Нолинском уезде проживало 6685 староверов (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 з. Д. 20. Л. 10 об.), а в 1838 г. их численность увеличилась до 6769 человек, что составляло 21,4 % от общей численности старообрядцев губернии (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 з. Д. 34. Л. 126). В указанный период Нолинский уезд занимал второе место по количеству старообрядцев после Глазовского, где насчитывалось 10136 приверженцев староверия. Данные о районах компактного проживания старообрядцев по волостям Нолинского уезда могут быть представлены в виде таблицы (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 з. Д. 34. Л. 121 об. – 126).

Таблица 1. Данные о районах компактного проживания старообрядцев по волостям Нолинского уезда

Волость	Численность старообрядцев (чел.)	
	поповцев	беспоповцев
Лобанская	1197	1646
Лудяно-Экономическая		937
Немская	352	192
Никольская	406	65
Сретенская		436
Ситминская		225
Верхосунская		222
Ошетско-Архиерейская		126
Кырчанская		109

2. Материалы и методы

Роль духовных центров старообрядчества выполняли моленные дома, располагавшиеся на территории Нолинского уезда в Лобанской (две моленные в с. Слудка), Ситминской (Ситминская молельня), Кырчанской (Таратихинская молельня) и Сретенской волости (Боровская молельня). История Боровского молельного дома восстановлена нами на основании неопубликованных источников, извлеченных, прежде всего, из фондов Государственного архива Кировской области. Особую значимость имеют документы фондов Канцелярии вятского губернатора (Ф. 582) и Вятской духовной консистории (Ф. 237). Кроме того, для рассмотрения реализации конфессиональной политики властей первой четверти XIX в. по отношению к старообрядческим молельням были задействованы материалы законодательного характера.

3. Обсуждение

Проблемы функционирования старообрядческих молелен на территории Вятской губернии в годы правления императора Николая I впервые нашли отражение в работах православных миссионеров рубежа XIX–XX веков. В них содержится интересный фактологический материал, касающийся взаимоотношений старообрядцев как с православным клиром, так и с представителями светской власти. Однако данные работы достаточно тенденциозны в освещении истории старообрядческих духовных центров, поскольку последние рассматривались официальным духовенством в качестве основных очагов сохранения и распространения староверия.

В советский период исследователи не проявляли особого интереса к истории старообрядческих религиозных центров на территории Вятского края. Исключение составляют лишь работы ижевских историков, например, Ю.М. Ивонина, в которых рассмотрена история староверия на территории удмуртских уездов Вятской губернии. Возрождение интереса к данной тематике произошло в конце XX в. Проблемы функционирования старообрядческих храмов и конфессиональной политики властей в их отношении затрагиваются в работах таких современных исследователей, как

И.В. Починская, В.К. Семибратов и др. Однако всестороннее изучение истории крупных старообрядческих религиозных центров, в том числе Боровской молельни, по сей день отсутствует. Этим обусловлена актуальность обращения к выбранной теме исследования и ее освещение на основе архивных материалов.

4. Результаты

Старообрядческая молельня в деревне Боровской (Над Боровым ключом) Сретенской волости была построена в 1791 г. (ГАКО. Ф. 582. Оп. 126. Д. 103. Л. 42) и функционировала до 1845 г. Первоначально она имела внешний облик православной церкви, и венчал ее купол с крестом, на что в 1805 г. было дано согласие властей. Разрешалось также содержать при молельне «10 небольших домиков для призрения неимущих» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128. Д. 155. Л. 53 об.). Однако с воцарением Николая I кардинально меняется курс конфессиональной политики правительства в сторону ужесточения. В частности, следовало оставлять без изменений молитвенные дома староверов, построенные до 17 сентября 1826 г., однако строить вновь «что-либо, похожее на церкви», производить ремонт старых часовен не разрешалось. В случае закрытия той или иной старообрядческой молельни, закон предусматривал представление всех хранившихся в ней икон, книг и предметов церковной утвари на рассмотрение местной духовной консистории для передачи их в распоряжение ближайшего единоверческого храма. Руководствуясь постановлением от 5 мая 1839 г., необходимо было уничтожать те молельни, действие которых было возобновлено без соответствующего разрешения официальной власти (Обзор мероприятий Министерства Внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год, 1903: 141, 209, 441, 261). Наконец, в соответствии с действовавшим во второй четверти XIX в. законодательством недопустимым считалось наличие атрибутов православного храма в старообрядческой молельне: престолов, колоколов и крестов (Полное собрание законов Российской империи, 1837: 446). В связи с этим 10 ноября 1835 г. министр внутренних дел Д.Н. Блудов довел до сведения вятского губернатора К.Я. Тюфяева решение императора о снятии колоколов с трех старообрядческих часовен Нолинского уезда – Боровской, Ситминской и Таратихинской – и передаче их в церковь при тюремном замке г. Вятки. Позднее последовало распоряжение императора и о снятии крестов с указанных культовых зданий. Помимо этого, руководствуясь Уставом о предупреждении и пресечении преступлений (Т. 14, ст. 48), за старообрядцами Ситминской волости Нолинского уезда необходимо было установить контроль, для того чтобы не допустить использование ими нового каменного дома, построенного для «призрения престарелых и убогих», в качестве молельни (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 4. Л. 13 об.). Нолинский земский исправник получил соответствующие предписания вятского губернатора и рапортами от 31 декабря 1835 г. и 5 февраля 1837 г. отчитался об их исполнении – снятии трех медных колоколов и четырех крестов со старообрядческих молелен в дер. Боровской, Ситминской и Таратихинской, «несмотря на вопль и крики угнетенных скорбию раскольников» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 г. Д. 4. Л. 39).

Известны случаи, когда старообрядцам удавалось заручиться поддержкой со стороны представителей органов местного управления. В частности, миссионер Иоанн Орлов в своем рапорте от 19 марта 1840 г. информировал преосвященного Неофита о действиях писаря Сретенского волостного правления Бельтюкова, записавшего П. Долгих, А. Колпащикову и Д. Гмызину в «раскольнические реестры», хотя по церковным метрикам они числились как «рожденные от православных родителей». Вероятно, с точки зрения православного клира, все они, не являясь старообрядцами от рождения, перешли из официальной церкви в староверие. Никто из названных не прислушался к духовным наставлениям священника и не пожелал присоединиться к Русской православной церкви. В тот же список волостного правления в качестве старообрядцев Бельтюковым были занесены К. Нелюбин, ранее возвращенный в лоно официального православия со своей семьей, и М. Помелова, которая также считалась православной в соответствии с церковными документами. Все происходившее миссионер И. Орлов связал с «вредным влиянием Боровской раскольнической часовни на умы и сердца православных поселян» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 3. Д. 566. Л. 1, 3). Более того, в ходе беседы священнику стало известно, что местные старообрядцы занимаются пропагандой своего вероучения. Например, члены семьи М. Масленникова – адепты официальной церкви – были перекрещены в Боровской молельне

Исааком Дрягиным. Активную позицию занимал и бывший настоятель молельного дома Филипп Першин.

И. Орлов пообщался со старообрядцами, проживавшими в кельях при молельне. В общей сложности их насчитывалось 24 человека, однако шестеро от беседы со священником отказались. Опрошенные подчеркнули, что, несмотря на арест их духовных наставников, молельня по-прежнему функционирует и в ней по воскресным и праздничным дням проходят богослужения и чтение книг «для народного назидания». В качестве мотивов пребывания при Боровской молельне они назвали желание «удалиться от мирской суеты и свободно предаваться молению ради спасения душ» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 3. Д. 566. Л. 10–10 об.). Материальную помощь им оказывали местные старообрядцы. Известно, что в среде «ревнителей древнего благочестия» изначально были развиты чувства коллективизма, поддержки друг друга, что обусловлено объективными обстоятельствами – условиями преследований и репрессий в отношении старообрядцев, продолжавшимися на протяжении столетий. Кроме того, в числе источников существования, проживавшие в кельях назвали рукоделие, помощь состоятельных родственников и плату, получаемую за чтение канонов в память об усопших и «о здравии живых».

Последнее было актуально лишь для грамотных старообрядцев, но таковых среди них было немало. Вопреки мнению православных миссионеров, убежденных в невежественности староверов, последние очень ратовали за обучение своих детей, несмотря на запрет содержать школы и заниматься образовательной деятельностью. В среде старообрядцев преобладало домашнее обучение и воспитание (Машковцев, Машковцева, 2015: 20–22). «Старообрядчество, – пишет М.О. Шахов, – характеризовалось крайне высокой грамотностью и интересом к книжности» (Шахов, 1998: 25). В отчете П.И. Мельникова о состоянии старообрядчества в Нижегородской губернии отмечено, что там в середине XIX в. более 200 староверов занимались обучением детей. Они не только учили их грамоте, но и рассказывали об официальной церкви, объясняя при этом, почему в нее не следует ходить, доказывали истинность «старой веры» (Мельников, 1976: 208). По мысли Н.И. Костомарова, староверие обратило русского человека из народа к сфере «мысленного труда», раскол «расшевелил спавший мозг русского человека», «побудив его вырваться из мрака умственной неподвижности», он «стоял хоть за какую-нибудь, хотя очень слабую и бедную образованность» (Костомаров, 1871: 469, 470, 499).

По утверждению И. Орлова, у некоторых старообрядцев, проживавших при Боровской молельне, имелись свои собственные дома, как, например, у Василия Лаптева, возможно, исполнявшего в тот момент обязанности настоятеля. Помимо этого, староверы держали и свой скот, «от которого, по единогласному показанию 17 жителей деревни Боровской, бывает ежегодное значительное истребление хлеба на полях и травы на лугах» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 3. Д. 566. Л. 11). Не случайно часовня производила впечатление монастыря, крупного культового центра. Православное духовенство связывало распространение старообрядчества в данной местности именно с Боровской молельней. Так, по подсчетам священнослужителей, в деревне, где она располагалась, в 1826 г. насчитывалось 11 староверов, а в 1836 г. – 68. В целом, в Сретенском приходе в 1826 г. проживало 163 приверженца староверия, а в 1836 г. – уже 332 человека (ГАКО. Ф. 237. Оп. 3. Д. 566. Л. 12). Наибольшей была их численность в с. Сретенском, поч. Малышевском, Березовском и в дер. Боровской (Над Боровым ключом) (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 з. Д. 34. Л. 122 об.). Аналогичная ситуация роста количества старообрядцев наблюдалась и в соседнем Ботылинском приходе, где их численность за указанный период увеличилась со 128 до 402. Между тем в православных приходах, отдаленных от Боровской молельни, столь существенного количественного роста в среде старообрядцев не происходило. Число их последователей там, по мнению духовенства, увеличивалось исключительно за счет новорожденных, а не посредством перехода из официальной церкви в староверие. Все это вновь убеждало представителей православного клира в негативном влиянии Боровской молельни.

В связи с создавшейся ситуацией епископ Вятский и Слободской Неофит предложил принять мер для противодействия развитию староверия. Наиболее значимые среди них – это закрытие старообрядческих молелен (а в Нолинском уезде таковых, помимо Боровской, насчитывалось еще четыре – Ситминская, Таратихинская и две в с. Слудка), пресечение деятельности представителей старообрядческого клира, установление контроля за

староверами, переселившимися из одного прихода в другой, запрет на заключение брака старообрядцами без участия православного духовенства и занесение староверов в специальные списки, составлявшиеся местными сельскими и волостными управлениями. Помимо этого, вятский преосвященный выступил с инициативой все названные старообрядческие культовые центры преобразовать в единоверческие храмы, а кельи, построенные при них, – уничтожить (ГАКО. Ф. 237. Оп. 4. Д. 1919. Л. 4 об. – 5 об.).

Религиозно-просветительскую работу среди местных старообрядцев, по поручению епархиального архиерея, продолжил миссионер Николаевского собора г. Нолинска протоиерей Михаил Преображенский. В частности, 26 марта 1845 г. он организовал назидательную беседу со староверами, которая продолжалась более трех часов. В общей сложности прихожанами Боровской молельни являлось около 1500 староверов-федосеевцев, включая малолетних детей. На беседу с православным пастырем пришли 153 человека. М. Преображенский объявил присутствовавшим волю императора Николая I об обращении их в единоверие. Для этого они должны были согласиться принять православного священника, который стал бы совершать для них богослужения по старопечатным книгам, признаваемым старообрядцами. В случае же, если старообрядцы проявят упорство, кельи, после предварительного выселения из них «ревнителю древнего благочестия», надлежало уничтожить, а молельню оставить закрытой с перспективой преобразования ее в православный храм.

Слова миссионера, несмотря на проявленные с его стороны рвение и усердие, не имели успеха: никто из староверов не пожелал воссоединиться с официальной церковью даже на правах единоверия. Нолинский земский исправник с большим трудом смог взять со старообрядцев подписку в том, что они, выслушав наставления протоиерея М. Преображенского, отказываются от принятия единоверия. Оказанное первоначально сопротивление обусловлено опасениями старообрядцев, что их обязывают подпиской стать адептами единоверческой церкви. В отношении принятия православного пастыря местные староверы оказались настроены очень категорично. В частности, они заявили, что имеют «своих наставников, о коих, хотя бы довелось и голову на плаху положить, никому не скажут». Проявляя фанатичную преданность «древнему благочестию», беспоповцы выразили убежденность в том, что «только та истинная вера, которая гонима», подразумеваемая под таковой старообрядчество, «и заключили тем, что хотя бы довелось и в Сибирь идти, но и тогда священника им не надо» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 а. Д. 4. Л. 66). Напомним, что изначально наиболее жесткую позицию по отношению к Русской православной церкви и ее духовенству занимали именно беспоповцы, убежденные в том, что после проведения реформы патриарха Никона весь мир является царством антихриста, в том числе и официальная церковь. Православных пастырей они в связи с этим воспринимали не иначе, как слуг антихриста и не считали возможным, даже после перекрещивания, принимать их к себе для совершения богослужения и отправления духовных треб. Данные функции у беспоповцев стали исполнять не рукоположенные в сан наставники, или уставщики (Флоровский, 1988: 69). Как видим, местные старообрядцы в создавшейся ситуации были носителями данной идеологии.

Исполняя решение властей, после закрытия Боровской молельни согласно императорскому указу 5 мая 1845 г., иконы, книги и другие вещи, находившиеся в ней, с целью предотвращения организации кражи, были переданы на хранение в церковную палатку Николаевского собора г. Нолинска. Кельи же, построенные близ молельного дома, были уничтожены. Как выяснилось в ходе следствия, при молельне находилось в общей сложности 16 строений, одни из которых являлись общественными, другие принадлежали частным лицам. Первоначально некоторые дома были подвергнуты разрушению лишь частично или оставались в полной сохранности, о чем информировал вятского губернатора А.И. Середу преосвященный Неофит. По распоряжению губернатора для расследования дела была создана специальная комиссия под председательством нолинского уездного судьи Загарского. В результате земский исправник Дмитриев, в оправдание своих действий, высказал мысль о том, что «он понимал слом келий так, чтобы жить в них было невозможно, а не так, чтобы разобрать их до основания». В соответствии с этим исправник поступил следующим образом: «верх каждого здания снят, сами внутренности разобраны ниже окон и все это сложено на этом же месте» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 а. Д. 4. Л. 100–100 об.). Последнее

исправник мотивировал тем, что не имел распоряжения от Палаты государственных имуществ. В конечном итоге постановление властей было исполнено в полном объеме.

Однако старообрядцы выразили свой протест против такой политики, проводившейся в их отношении, в открытой форме. Во-первых, 17 декабря 1846 г. Комитет министров вынес решение по делу о краже книг и икон из Боровского молельного дома. Вероятно, после закрытия молельни часть имущества старообрядцы успели вынести до его передачи на хранение в церковную палатку при Николаевском соборе. 13 книг, изъятых у старообрядцев К. Чиркова, Т. Маслова и А. Тимофеевой, поступили на рассмотрение Вятской духовной консистории с целью выявления их соответствия учению Русской православной церкви. В результате было вынесено следующее заключение. Четыре Псалтыри содержали «раскольнические толки о перстосложении для крестного знамения». Два «Часовника», «Служебник», «Молитвенник», «Служба в великую субботу и в неделю Святой Пасхи» были признаны относящимися только к «церковному употреблению», а руках староверов – способными «служить им поводом к удалению от церкви и к самопроизвольному отправлению служб церковных». В «Уставе о христианском житии» и «Молитвеннике писаном» были обнаружены «самовольные правила о службах церковных». Наконец, «Житие Преподобного Василия Нового» получило крайне негативную оценку со стороны православного клира: «Наполнено такими сказаниями, которые невеждам и заблуждающим от православной веры, каковы все наши раскольники, могут подать повод к понятиям и суждениям о будущем веке чувственно грубым и странным» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 4. Д. 1919. Л. 145–145 об.). Таким образом, все рассмотренные книги Вятская духовная консистория признала не соответствующими вероучению и интересам официальной церкви. На этом основании все они были отправлены в Министерство внутренних дел, как того требовало действовавшее законодательство. Виновных в совершении кражи книг из Боровской молельни найти не удалось, но в деле фигурируют имена подозреваемых – Т. Сухих, Ф. Изергина и Е. Нелюбина. Возможно, они проникли в молельный дом через слуховое окно. За ними было установлено строгое наблюдение со стороны местных властей с целью обнаружения похищенных икон и книг. Г. Брызгалова, обвиняемого в «сокрытии найденных в лесу близ села Сретенского на елке в мешке книг, икон и креста и в недопущении волостного головы к обыску с произнесением ругательств», приговорили к тюремному заключению на срок 8 суток (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 а. Д. 4. Л. 193 об. – 194).

Во-вторых, протоиерей Н. Романов сообщил вятскому преосвященному Неофиту, что 23 мая 1847 г., побывав у Боровской молельни, он заметил новые восковые печати на дверях взамен сорванных. Спустя год миссионер довел до сведения епископа, что деревянный молельный дом старообрядцев сгорел «будто бы от силы молнии во время грозы» 30 апреля 1848 г. (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 а. Д. 4. Л. 172). По просьбе Неофита вятский губернатор А.И. Середа распорядился о проведении расследования на предмет выяснения причин пожара и уничтожения молельни. Пристав второго стана Нолинского уезда А. Назаров установил следующие обстоятельства дела: «30 апреля 1848 г. после половины дня последовал сильный удар грома. Молния ударила в крышу молельни, которая вдруг вся вспыхнула, затем пламя быстро распространилось на все здание и, хотя собравшиеся жители деревни Боровской и окольные принимали к прекращению пожара все меры, но все усилия их оказались бесполезными» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 128 а. Д. 4: 173 об.). Предположение об умышленном поджоге доказать в ходе следствия не удалось. Никто из крестьян, опрошенных под присягой, не дал соответствующих показаний. Несмотря на это, исключать организацию поджога молельни старообрядцами нельзя. Возможно, таким образом, они выразили протест против преобразования своего храма в единоверческую церковь. Тем более что подобные ситуации известны и были зафиксированы применительно к другим старообрядческим культовым центрам. Например, 28 апреля 1850 г. Святейший Синод постановил передать старообрядческую молельню в селе Старая Тушка в ведение местного православного духовенства и преобразовать ее в единоверческий храм (РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Д. 120. Л. 15–15 об.). В сентябре 1852 г. замки в тушкинской молельне были взломаны, а печати с двух дверей сорваны. В результате проведенного осмотра выяснилось, что из молитвенного дома похищены некоторые вещи (паникадило, свечи и др.) (ГАКО. Ф. 237. Оп. 7. Д. 437. Л. 70). Судьба же созданной единоверческой церкви оказалась печальной. Она просуществовала достаточно недолго. В ночь на 15 августа 1860 г., как

сообщил становой пристав Малмыжского уезда вятскому губернатору, она полностью сгорела. По словам караульных и плотников, находившихся в момент пожара близ церкви, огонь появился на внешней стороне стены с восточной стороны и быстро охватил всю крышу. Пока огонь не проник внутрь здания, старообрядцы сумели вынести из храма 29 икон. По данному делу было произведено расследование, в ходе которого местным властям удалось установить только то, что поджог церкви совершили сами старообрядцы села Старая Тушка или близлежащих деревень. Как подчеркнул в своем рапорте малмыжский земский исправник, они изначально были против преобразования их молельни в единоверческую церковь, «заранее объявляя, что ни за что в нее молиться не пойдут» (ГАКО. Ф. 582. Оп. 89. Д. 669. Л. 5 об.). Кто именно совершил поджог, полиция выяснить не смогла ввиду особой сплоченности старообрядцев, которые, несмотря ни на какие увещания, не пожелали выдать своих единомышленников. Как видим, ситуация во многом схожа с историей Боровской молельни.

5. Заключение

Печальны судьбы и остальных старообрядческих молелен Нолинского уезда. Так, в 1840 г., по решению властей была уничтожена Таратихинская молельня, в 1845 г. та же участь постигла две Слудских молельни, а в 1850 г. по решению Комитета министров прекратила свое существование Ситминская молельня. Показательно при этом, что в случае попытки властей преобразовать ту или иную молельню в единоверческий храм старообрядцы высказывали к этому негативное отношение и открыто выражали свой протест. Таким образом, политика властей по отношению к молельным домам старообрядцев носила крайне жесткий характер и полностью соответствовала курсу конфессиональной политики второй четверти XIX в., направленному на полное искоренение староверия и воссоединение его адептов с Русской православной церковью.

Литература

- ГАКО – Государственный архив Кировской области.
 Костомаров, 1871 – Костомаров Н. История раскола у раскольников // *Вестник Европы*. 1871. № 4. С. 469–536.
 Машковцев, Машковцева, 2015 – Машковцев А.А., Машковцева В.В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров, 2015. 219 с.
 Мельников, 1976 – Мельников П.И. Очерки поповщины // *Собрание сочинений в восьми томах*. Т. 7. М., 1976. 560 с.
 Обзор мероприятий Министерства внутренних дел, 1903 – Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. 340 с.
 Полное собрание законов Российской империи, 1837 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). Т. 11 (1836). Отделение первое. СПб., 1837. 895 с.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Фармаковский, 1868 – Фармаковский И.Ф. О первоначальном появлении раскола в Вятской епархии // *Вятские епархиальные ведомости*. 1868. № 5. С. 76–88.
 Флоровский, 1988 – Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1988. 603 с.
 Шахов, 1998 – Шахов М.О. Старообрядчество, общество, государство. М., 1998. 104 с.

References

- ГАКО – Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti [State Archive of the Kirov Region]. Kirov, Russia.
 Kostomarov, 1871 – Kostomarov N. (1871) Istorija raskola u raskol'nikov [The history of the schism in the Orthodox Church in the Old Believers]. *Vestnik Evropy*. 4: 469–536. [in Russian].
 Mashkovtsev, Mashkovtseva, 2015 – Mashkovtsev A.A., Mashkovtseva V.V. (2015) Staroobryadtsy i sektanty Vyatskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale KhKh veka: vzaimootnosheniya s regional'nymi vlastyami i pravoslavnoi tserkov'yu [Old Believers and sectarians of Vyatka province in the second half of the XIX – beginning of the XX century: relations with regional authorities and the Orthodox Church]. Kirov. [in Russian].

Mel'nikov, 1976 – *Mel'nikov P.I.* (1976) Ocherki popovshhiny [Essays on the Old Believers]. Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. T. 7. Moscow. [in Russian].

Obzor meropriyatii Ministerstva vnutrennikh del, 1903 – Obzor meropriyatii Ministerstva vnutrennikh del po raskolu s 1802 po 1881 god. [Review of the activities of the Ministry of Internal Affairs on the split from 1802 to 1881]. (1903). St. Petersburg. [in Russian].

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1837 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe (1825–1881). T. 11 (1836). [Complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting (1825-1881). Tom 11 (1836)]. (1837). St. Petersburg. [in Russian].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. St. Petersburg. [in Russian].

Farmakovskij, 1868 – *Farmakovskij I.F.* (1868) O pervonachal'nom pojavlenii raskola v Vjatskoj eparhii [On the initial appearance of the Old Believers in the Vyatka diocese]. *Vjatskie eparhial'nye vedomosti*. 5: 76–88. [in Russian].

Florovskij, 1988 – *Florovskij G.* (1988) Puti russkogo bogoslovija [Ways of Russian theology]. Paris. [in Russian].

Shahov, 1998 – *Shahov M.O.* (1998) Staroobryadchestvo, obshhestvo, gosudarstvo [Old Believers, society, state]. Moscow. [in Russian].

УДК 94(470)

Боровская старообрядческая молельня как объект конфессиональной политики властей в годы правления Николая I

Виктория Вячеславовна Машковцева ^{a,*}

^a Вятский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Настоящее исследование посвящено истории Боровской молельни как религиозного и культурного центра старообрядчества Вятской губернии. В основу статьи положены документы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Кировской области, позволившие проследить судьбу молельного дома с момента его основания до разрушения. Автором рассмотрена реализация конфессионального курса властей второй четверти XIX века в отношении старообрядческих молелен, показаны взаимоотношения староверов с представителями местной администрации и духовенством официальной церкви. Помимо этого, охарактеризовано противодействие староверов попыткам передачи их храмов в ведение Русской православной церкви. В частности, проанализированы факты поджога старообрядцами закрытых по решению властей молельных домов в случае обращения их в единоверческие церкви, кражи икон и богослужебных книг в подобной ситуации. В целом религиозная политика Николая I по отношению к старообрядцам носила жесткий характер, содержала широкий спектр ограничений, запретов и разработанную систему наказаний за совершение противоправных деяний.

Ключевые слова: старообрядчество, Русская православная церковь, Вятская епархия, миссионерская деятельность, духовенство, молельня, единоверие, икона, религиозная литература.

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: wikma116@rambler.ru (В.В. Машковцева)